

Александр Писецкий

-Номер группы не очень точно помню. Специальность – «Физика полупроводников». (Учился в одной группе с Шерстяковой (Пироговой) Валентиной.)

-Первые десять лет после окончания НГУ работал в Геленджике во Всесоюзном научно-исследовательском институте морской геологии и геофизики Министерства Геологии СССР (ВНИИМОРГЕО). Второе и последнее место работы – Южное отделение Института океанологии РАН (г. Геленджик.) В настоящее время – пенсионер.

-Жена Галина занимается правкой позвоночника. Кабинет на дому. Пациенты приезжают со многих мест нашей необъятной родины и из-за рубежа. Старшая дочь Ксения работает заместителем директора фирмы такси в г. Геленджике. Ее дети – сын Роман; студент и дочка Соня трех лет. Младшая дочь Александра живет и работает в Дубаи. Marketing Communications Manager в одной из самых известных фирм на Среднем Востоке, занимающихся охраняемым программным обеспечением. Кроме того, ответственна за рекламу и Public Relations в своей фирме.

Пожелания... Не сожалеть о прошлом, жить настоящим, думать о будущем.

Как я не стал физиком

Я помню, как во мне проснулось сознание. Я стою около дома на нашей улице. На травке. Моя старшая сестра бросает мне мячик. Удивление – до этого ничего не было, а тут в одно мгновение - травка, сестра, летящий ко мне мячик и **Я!!!** Было мне тогда, наверное, года два с небольшим. Удивительно, что я до сих пор это помню в деталях...

В детстве я был вундеркиндом. В три года научился читать. Старшая сестра научила. А родители узнали, когда услышали, как я читаю названия различных вывесок на улице. В пять лет меня записали в библиотеку. Там мне давали три небольшие книжки, которые я прочитывал на ходу, дойдя до дому. Я поворачивал обратно за следующей порцией к великому удивлению библиотекаря. Потом видимо это как-то выровняли, давая большее количество книг. Эта привычка читать на ходу сохранилось достаточно надолго. Класа до восьмого. Много читал днем; а ночью под одеялом при свете фонарика. Читал все, до чего мог дотянуться. Дома у нас не было какой-то библиотеки. Запомнилась, пожалуй, только масса брошюрочек маленького формата на научно-популярные темы. Отец любил читать такую литературу. Возможно, тогда и зародился интерес к тому, как устроен окружающий мир, который и привел меня на физический факультет НГУ. Многочисленные дяди и тети подкидывали хорошие книги. Жюль Верн, например; книги Перельмана. До сих пор помню его «Занимательную геохимию». Великолепно изданная книга. Ушла потом к младшим двоюродным братьям и сестрам.

Лет в пять отец научил меня игре в шахматы. К его величайшему удивлению через несколько месяцев он уже не мог у меня выиграть. Всю дальнейшую жизнь он смотрел на меня с некоторым удивлением – «Неужели это я его родил?»

Жили мы тогда на окраине Новосибирска, которая называлась «Инюшка». Немножко бандитский район. Помню, иду как-то в школу ранним морозным зимним утром. Абсолютная тишина. Только хруст снега под ногами. Ярko светит Луна на безоблачном небе. Почти около школы лежит на спине мертвый мужик. Запомнились поднятые над собой голые окровавленные руки, и выражение ужаса на лице...

Мне было лет двенадцать, когда меня с мамой вызвали повесткой в милицию, как главного свидетеля убийства. В соседний дом зашел сосед. Что-то там не поделил с хозяином, и тот убил его отверткой. Я в это время играл на улице около этого дома и видел, что убитый сосед зашел в дом в дверь. А на следствии убийца показал, что сосед с агрессивными намерениями залез в дом в окно и был убит в порядке самозащиты. Следствию видимо как-то стало известно, что я единственный свидетель. Мама моя была в ужасе, и естественно мы никуда меня не повела...

В то время, наверное, многие районы и города были немножко (или множко) бандитскими. В 1953-м году были выпущены на свободу «птенцы Берии». Так в самом центре Новосибирска был громадный овраг, на склонах которого располагались многочисленные лачуги. Этот район назывался «Каменка». Это был действительно бандитский район. Мой друг Сережа Антонченко (некоторое время тоже был студентом физфака НГУ) жил в самом центре Новосибирска около Оперного театра. Будучи старшеклассником, записался в «народную дружину». Их тогда только что придумали. Сережа рассказывал, как они ходили на дежурство в «Каменку». Несколько мальчишек дружинников в сопровождении четырех солдат автоматчиков...

«Ботаником» (по современной терминологии) я был. Много читающий; постоянно погруженный в какие-то свои мысли. Маленького росточка. Только что без очков. Мама боялась, что я таким мелким и останусь. Но в переходный период я как-то выровнялся. Тем не менее, меня никогда не притесняли, и не подвергали насмешкам. На нашей небольшой улице (Новый переулочек) нас было человек семь мальчишек почти одногодков. В этой компании я был не то, чтобы заводилой, но «мозговым центром». Постоянно что-то интересное рассказывал, а мои друзья слушали меня, открыв рот. И в школе все было нормально. Даже более того. В старших классах у меня была пара попыток войти в компанию ребят, которые курили, выпивали. Может и еще чего. Меня мягко отстранили – «Не надо тебе всего этого. Тебе учиться надо». Говорили с какой-то недетской мудростью...

С самого раннего возраста меня интересовало, как устроен окружающий мир. Ну и соответственно тянуло ко всяким экспериментам. Самый первый такой эксперимент я поставил в сильно младенческом возрасте. Все вилки, ложки и ножи, что были в доме, я засунул в печку. Печку топили меньше дровами, больше углем. Она отапливала дом и на ней готовили еду. Засунутый мною в печку столовый набор почему-то не расплавился. Но покрылся несмываемыми пятнами окалины. Эти пятна годы напоминали нашей семье об этом моем эксперименте.

Детских садиков тогда наверное не было. Во всяком случае, такого периода в моей жизни не было. Время было послевоенное; тяжелое. Родители работали на Инструментальном заводе; старшая сестра ходила в школу. Поэтому многие часы я проводил один в доме. Мой следующий эксперимент, который я помню, тоже был в младенческом возрасте, и тоже был связан с огнем и печкой. Игрушек у нас практически не было. Уголь, который давал основное тепло, спичкой и газетой не разожжешь. Для этой цели использовали отходы столярных цехов в виде стружек, опилок и обрезков дерева. Вот этими-то обрезками дерева я и играл под руководством старшей сестры. Мы их называли почему-то «бакулочками». И вот как-то оставшись один, я пошел за очередной порцией «бакулочек». Древесные отходы находились в темной кладовке, примыкающей к сеним дома. Как раньше делала сестра, я поджег длинную стружку и в ее свете начал выковыривать из опилок «бакулочки». Стружка догорая, начала жечь пальцы. Я ее выронил и все загорелось. Я испугался, забежал в дом и спрятался под кроватью. Загоревшийся дом потушили соседи. Я был спасен.

Позже наступила пора, когда меня заинтересовало внутреннее устройство всяких более-менее сложных устройств, созданных человеком. Первой жертвой этого любопытства пала швейная машинка «Зингер». Вернувшись с работы, родители увидели аккуратную кучку деталей этого замечательного шедевра. Сломать я ничего не смог –

машинка была сделана из добротных массивных деталей. Ее собрали вновь. Будильнику повезло меньше. Его пришлось выбросить. Тогда родители встревожились. Меня никогда не наказывали. Родители очень сильно любили меня. Со мной видимо была проведена какая-то разъяснительная работа, которая дала реальные результаты. Позже у нас появился замечательный радиоприемник «Балтика». Сколько часов я провел, зачарованно разглядывая его электронные кишочки. Как я боролся с искушением покопаться в них...

Срыв произошел позже. Лет наверное в двенадцать. Родители подарили мне фотоаппарат «Смена 2». Все было хорошо. До тех пор, пока змей-искуситель не начал шептать мне – «Ведь тебе же интересно посмотреть, как он устроен. Так разбери его!» В конце концов, я сдался. Мальчик к тому времени я был уже большенький. Приобрел определенную сноровку в работе с инструментами. Так что сумел не только разобрать дотла этот аппарат, но и собрать его. Почти собрать... В этом аппарате лепестковый затвор, состоящий из трех одинаковых лепестков. Лепестки из очень тонкой и жесткой стали. Так вот эти лепестки никак не хотели вставать на место. Два вставало, а третий никак. Совсем никак. Третий оказывался почему-то чуть-чуть великоват. Промаявшись долгое время, я с отчаянья трясущимися руками с трудом подрезал ножницами непокорный лепесток. Он встал на место! К моему великому удивлению вновь собранный аппарат работал, как ничуть не бывало! Я никому никогда не говорил об этом. Но это надолго отбило у меня охоту к действиям с непредсказуемым результатом.

Надолго, но не навсегда. Последний, наверное, рецидив произошел много позже, когда я уже окончил университет, и работал в Геленджике в организации, занимавшейся морскими геофизическими работами. Я напросился поработать на полевых работах. Меня отправили в геофизическую партию, которая проводила работы в Балтийском море. Первое время я работал на судне оператором «Зонда». Не буду вдаваться в подробности; «Зонд» это такой специальный радиоприёмник, который не требовал практически никакого присмотра, потому как был исключительно надежный. Поэтому большую часть времени я слонялся по судну, заглядывая во все уголки. Дошла очередь до радиорубки, в которой дрых радист ввиду отсутствия работы. Я рассмотрел все приборы, находящиеся в рубке. Назначение большинства из них было мне как-то более-менее понятно. Оставался только один ящик непонятного назначения, прикрепленный к стене. Посередине ящика большая красная кнопка. Под ней надпись – «Тревога!» Все. Больше ничего. Первое, что пришло в голову – Этой кнопкой включается сирена на корабле. Но для чего тогда большой ящик? Проснулся змей-искуситель, молчавший ряд лет – «Нажми на кнопку!» За годы молчания змея я потерял навык борьбы с ним. И после недолгого сопротивления я сдался. Нажал. Сирена не заработала. Почти ничего не произошло. Почти... В ящике вдруг молча замигали какие-то лампочки. «Не к добру!» - подумал я и разбудил радиста. Тот мгновенно врубился в ситуацию и объяснил мне, что я включил аварийный передатчик, который передает сейчас «SOS» и наши координаты. Что делать? Радист посоветовал мне бежать к капитану, броситься ему в ножки, чтобы капитал дал команду смыться из этого района сломя в голову. Сам начал чуть не с помощью топора отключать взбесившийся передатчик. Штука ведь была спроектирована очень надежной. А радисту бы тоже нагорело...

Меня спасла отечественная безалаберность. Днем раньше во время проведения каких-то работ от передатчика была отключена антенна, а подключить ее обратно естественно забыли. Инцидент как-то рассосался. Но во время ближайшего захода в порт я был с судна списан.

Кроме чтения книг у меня была еще масса увлечений. Вот некоторые из них в произвольном порядке. Астрономия. Дело началось и кончилось прочтением массы замечательных книг. Музыка. Родители хотели записать меня в музыкальную школу. Но для этого нужно было иметь собственный инструмент. Пианино было не по карману. Купили баян. Но время для поступления в школу было упущено. Мне купили

самоучитель. И я сам научился играть на этом славном инструменте. Помню, играл даже «Лунную сонату». По нотам...

Рыбалка. Вершиной этого занятия был хороший по тем временам спиннинг с набором любовно подобранных блесен. Щук ловил в Оби. Как и многие другие увлечения, рыбалка закончилась тем, что достигнув каких-то вершин, я охладел к ней. Не мое. Много позже я был на великолепных рыбалках в Мексиканском заливе, в Андаманском море, на Амазонке. Но практически не принимал участия...

То же было и с охотой. С Володей Могилатовым (выпускником нашего факультета; годом раньше меня) принимали участие в экспедиции в европейском Заполярье. Я купил ружье. Птичек стреляли. И тоже не увлекло. Спустя десятилетия был в национальных парках Кении и Танзании. Видел бесчисленные стада животных и массу видов птиц. Тогда окончательно понял, что никогда не смогу принять участие ни в какой охоте.

Радиолюбительство увлекло меня надолго. Началось, как тогда полагалось, с детекторного радиоприемника. Антенна из многожильной медной проволоки, натянутая между фарфоровыми изоляторами; большая, вручную намотанная катушка индуктивности; самодельный детектор, и наушники. Эта штука работала, и это было чудо! Потом я записался в радиокружок городского Дома Пионеров. Руководил им Игорь Борисович Яковкин. Позже он работал в Институте физики полупроводников; стал доктором физматнаук. А тогда он был студентом НЭТИ. Женатым. Подрабатывал. Но руководителем радиокружка он был прекрасным. Неформальным. Я до сих пор помню в деталях, как работает электронная лампа.

В радиокружке я познакомился с Сережей Антонченко, дружба с которым продолжается до сих пор.

Вершиной моего творчества на этом поприще был собранный мною ламповый магнитофон. Лентопротяжный механизм от известного тогда магнитофона «Комета» был куплен на барахолке за 20 рублей. Деревянный корпус был собран из деталей радиолы (кажется «Рекорд»). Радиола эта выпускалась одним из Новосибирских радиозаводов. Для печки нашего дома (об этом выше) родители как-то закупили машину отходов столярного цеха этого радиозавода. И там были бракованные детали корпуса радиолы. Я их довел до кондиции, отполировал, оклеил шпоном, полакировал и склеил из них новенький корпус. На место вертушки пластинок поставил лентопротяжный механизм. А электронику сделал сам. Спаял из латуни шасси. Ну и т.д... Работала эта штука. Битлов крутил. Записывал разговоры соседских бабушек, а потом воспроизводил, доводя их до обморока...

Потом была подготовка к поступлению в университет; поступление, и было в общем-то не до радиолюбительства. Тем не менее, на первом курсе мы с Сережей Антонченко создали еще один радиолюбительский шедевр по тем временам. Я на очное отделение физфака поступил, а Сереже не хватило баллов, и его зачислили на вечерний факультет. Первый курс он учился на вечернем и работал лаборантом в демонстрационном кабинете при Большой физической аудитории. Так что материальная база у нас была. И в течение первого года мы создали пару приемопередатчиков. Формальная цель – использовать для сдачи экзаменов. Формальная, потому, что мы использовали это единственный раз. При сдаче мною экзамена по истории КПСС. Первый приемопередатчик был собран уже на транзисторах. Передача шла в диапазоне УКВ. Размером он был с мыльницу со встроенным микрофоном и выносным наушником, который вставлялся в ухо. Второй радиопередатчик был стационарным и располагался в лаборатории демонстрационного кабинета. В качестве приемника использовался радиоприемник «Спидола». Передатчиком был ГСС – генератор стандартных сигналов. Сигнал модулировался УНЧ – усилителем низкой частоты от микрофона. Все сработало. Я получил какую-то положительную оценку. Помню, что не пятерку. Больше для этой цели мы это не использовали. Но считали, что для сдачи экзамена по истории КПСС это не зазорно.

Еще одно увлечение – фотография. Его я пронес через всю жизнь. Началось это, когда я учился в пятом классе. Родители купили мне, уже упоминавшийся выше, фотоаппарат «Смена 2» и свели со знакомым профессиональным фотографом. Добродушный однорукий дядька, введший меня в этот фантастический мир. Сколько сладостных часов я провел в темной комнате при свете красного фонаря. Сам составлял растворы из отдельных компонентов. Цветной фотографией не занимался. Но сам проявлял немецкую обратимую слайдовскую фотопленку. Это когда уже работал в Институте Океанологии и ходил в океанские рейсы. Сейчас конечно цифровая съемка. Многие тысячи кадров, отснятых в путешествиях. Но об этом позже.

Много еще было всего интересного...

Сегодня, глядя на свою жизнь с высоты прожитых лет, мне кажется, что одной из главных доминант в моей жизни было любопытство к окружающему миру. Во всех его ипостасях. Мне всегда было интересно познавать, как устроен окружающий мир; самые разнообразные его аспекты. Достаточно долго я считал, что это свойство присуще всем людям. Когда моей младшей дочери было лет двенадцать, я как то спросил ее – «Саша, тебе интересно знать, как устроено все, что тебя окружает; все эти атомы, звезды и все остальное?» И когда я услышал короткое – «Не а», это было для меня большим потрясением. Можно сказать, крушением одной из жизненных иллюзий. Люди все разные.

Сейчас дочь выросла. Закончила англо-американский колледж в Праге; потом магистратуру одного из австралийских университетов. Магистр международного бизнеса. Работает в Дубаи в сфере информационных технологий. Прекрасная карьера. Имеет массу увлечений.

В школе я учился с легкостью, хотя оценки были сильно неравномерные. Четвёрки и даже тройки по тем предметам, которые я не любил. Учась в одиннадцатом классе, ездил в Академгородок на подготовительные курсы. Математика и физика. Вели курсы отличные преподаватели. Имен их я конечно не помню. А весной перед окончанием школы принял участие в физико-математической олимпиаде. Наверное, это была какая-нибудь Всесибирская заочная олимпиада, а в Академгородке был финал. За давностью лет деталей не помню. Но очень хорошо помню экзамен по физике. Продолжался он для меня где-то часов восемь! Пытали меня три дядьки. Кроме меня у них никого больше не было. Помню одну из задач, которую я решал. Вокруг Земли летят два космических корабля с космонавтами. По одной орбите в свободном полете. Условно говоря, с «заднего» корабля на «передний» нужно передать пирожок. К пирожку нельзя прикреплять двигатель. Его можно только бросить. Вопрос – Как и куда бросить? Я рассматривал корабли и пирожок, как материальные точки. Рассмотрел три варианта. Броски в сторону корабля по касательной к орбите; под углом вниз и под углом вверх. Во всех трех случаях у меня получалось, что пирожок переходит на другую стационарную орбиту. Тогда я предложил решение – Бросить пирожок «назад» по касательной с двойной скоростью. Под скоростью понимается скорость кораблей. Тогда пирожок останется на орбите, только полетит назад. И космонавты получат его, прилетевшего с сумасшедшей скоростью. Дядьки переглянулись, хмыкнули и задали следующую задачу. Рассмотреть вариант с пересечением орбит мне тогда не пришло в голову.

После восьми часов «допросов» меня отпустили, сказав, что я прошел последний тур и мне дадут рекомендацию к поступлению в университет.

Подошло время, я сдал документы для поступления в университет и сказал, что у меня должна быть рекомендация. Однако в этих списках меня не было. Тогда подняли документы экзаменов олимпиады, и нашли строку с моей фамилией. Оказывается слова «рекомендован» и прочие были написаны такими малюсенькими буквами, что их просто не заметили при просмотре списков. Мне тут же выдали рекомендацию, да еще и на бланке, подписанном академиком Мальцевым. До сих пор горжусь...

Я почему-то был абсолютно уверен, что я поступлю в университет. Хотя конкурс был большой. Откуда-то всплывает цифра «десять человек на место». (Интересно, а какой же был действительно конкурс?) Первый экзамен был письменная математика. Я решил кажется все. Особенно долго трудился над задачей по стереометрии. Я был собой доволен. Однако к моему великому удивлению я получил тройку. Ситуация выяснилась на устном экзамене. Я очень хорошо отвечал, и экзаменатор был удивлен моей оценкой по письменной математике. Затребовал мою работу и выяснилось, что я неверно понял условия задачи по стереометрии и решил гораздо более сложную задачу. Экзаменатор спросил приемную комиссию, можно ли изменить оценку хотя бы на четверку? Но комиссия отказала. То, что я не понял условие задачи, является все-таки моей ошибкой. А мою судьбу пусть решит экзамен по физике. Кажется, я его тоже сдал на пятерку. Т.о. я набрал 13(?) баллов. А это был пограничный балл. Но меня зачислили, и, может быть, свою роль сыграла рекомендация, подписанная академиком Мальцевым.

Студентом я был неважным. Сессии сдавал с трудом. Возможно, какую-то роль сыграла легкость, с которой учился в школе. Не было привычки к упорному повседневному труду. Но, пожалуй, все-таки не хватало способностей. Во всяком случае, для занятия теоретической физикой уж точно. Правда я к ней и не стремился. Меня больше привлекала экспериментальная физика. Мне всегда нравилось делать что-то своими руками. И если я что-то делал, то старался делать это основательно. Даже не то, что старался – по-другому не получалось.

Много позже я построил свой первый дом. На это ушло пять лет. Отпуска, выходные, время после работы. Мои коллеги слегка посмеивались надо мной. Зачем тратить время и деньги, когда можно ждать квартиру в очереди и радоваться жизни? Я же впервые дорвался до настоящей работы. Делал все сам. За исключением кладки стен и штукатурки. От фундамента до конька крыши. Все коммуникации, паркет, кухонный гарнитур и все-все остальное. Освоил массу работ. Но ни одной из этих специальностей я не смог бы зарабатывать на жизнь. Делал все слишком основательно и медленно. Но с тех пор больше двадцати лет я живу в, можно сказать, комфортабельных условиях. Сейчас уже в другом доме.

Я не буду описывать свою студенческую жизнь в рамках этого повествования. Многие из сокурсников после окончания университета остались работать в Академгородке. Общаются друг с другом; наверняка при встречах что-то вспоминают из студенческой жизни. Поэтому лучше помнят ее. Я же в настоящее время из друзей тех времен общаюсь только с Сережей Антонченко и его женой Наташей, выпускницей мехмата нашего года выпуска; да с Ильей Каганским, который окончил физфак годом раньше нас. Он живет в Штатах много лет; программист очень высокого уровня. Естественно на многие годы мы выпали из общения. Но сегодня есть Интернет, Skype. Что сильно облегчает общение. Хотя я до сих пор люблю писать письма. Наверное, в странах, где есть телевидение, телефон и Интернет таких любителей остались единицы.

Из курсов лекций, прослушанных в университете, упомяну курс общей физики, прочитанный Будкером. Мы слушали его, открыв рот. Как же – академик, директор Института ядерной физики! А он, перескакивая с одного на другое, рассказывал что-то, на мой взгляд, не связанное с темой лекции. И вообще с темами физики. В конце лекции спохватывался, быстро что-то говорил на тему лекции, писал несколько формул на доске; путался в них, стирал написанное чуть не рукавом. Много позже до меня дошло, что он донес до меня дух физики, что ли; атмосферу процесса исследований. Этого в учебниках не найдешь...

И поданный совершенно в другом стиле курс, прочитанный Спартаким Тимофеевичем Беляевым. Позже был издан в печати курс лекций по общей физике – «Фейнмановские лекции по физике». У меня создалось впечатление, что в своих лекциях Спартак Тимофеевич отталкивался от него. Красота и совершенство...

В студенческие годы у меня сформировался какой-то художественный вкус. В большей степени это касается иностранной художественной литературы и живописи. (Какие были переводчики в советское время!) До университета я читал просто все без разбору, до чего мог дотянуться. А с живописью не был знаком вовсе. А к концу учебы у меня была неплохая по тем временам коллекция альбомов репродукций. А также библиотека хороших книг.

Бесчисленные разговоры и обмены мнениями с бесчисленным количеством людей. Это и студенты и многие интересные люди, которые приезжали в Академгородок в то время. Не буду останавливаться на этом. Думаю, многие мои однокашники лучше помнят об этом и лучше расскажут. Думаю, в то время Академгородок был лучшим местом в родном отечестве для выращивания интеллигенции, если понимать ее в соответствии с одним из определений, как группу людей, *...обладающей критическим способом мышления, высокой степенью рефлексии, способностью к систематизации знаний и опыта*. В латинском языке слово интеллигенция *...указывает на широкий спектр мыслительной деятельности*.

Подошла к концу учеба в университете. Развалился мой студенческий брак. Вконец испортились отношения с руководителем дипломной работы, которую я писал в Институте физики полупроводников. Распределение туда, да и в другие институты Академгородка, мне не светило. А светило мне распределение в какой-нибудь из многочисленных п/я славного города Новосибирска. О чем я думал с содроганием. Быть одним из муравьев, рекой втекающих через узкое горло проходной через турникет в восемь часов утра, и вытекающей оттуда в пять часов вечера. И так всю жизнь...

Но... судьба распорядилась по-другому. В лице Ильи Каганского она организовала мне персональную заявку организацию, занимающуюся морскими геофизическими исследованиями в далеком маленьком курортном городе Геленджике. О деталях этой истории с заявкой я узнал только через сорок с лишним лет спустя! В университете распределять меня в соответствии с этой заявкой долго не хотели – его величество советский план. Но видимо с планом управились как-то без меня, заявку подписали одному из последних на курсе, и 12-го августа 1969-го года я был принят на первую в моей жизни постоянную работу. Начался очередной этап жизни...

А теперь ненадолго вернемся в мое далекое раннее детство. Когда я был вундеркиндом, но совсем еще маленьким. Этак годика в три, если не меньше. К родителям иногда приходили в гости, и меня, как полагается, ставили на табуреточку; я видимо декламировал какие-то незамысловатые стишки; гости восхищались и т.д. При этом задавался дежурный вопрос – «А кем ты, Саша, хочешь быть, когда вырастешь?». На что я гордо отвечал – «Капитаном!» Это запомнилось моим родным; об этом мне не раз рассказывали впоследствии.

Какой смысл я вкладывал в это слово, я не знаю. Книжки тогда я еще не начал читать. Людей, которые могли мне тогда что-то рассказать о море, в нашем окружении не было. И вообще это происходило в Новосибирске; практически в центре самого большого материка на Земле. Желание стать капитаном оставалось какое-то время, но позже трансформировалось в желание побывать везде на свете. Я перечитал массу книг и провел много сладостных часов с географическими картами. Фактически это желание осталось на всю жизнь.

Закончил университет. Физика полупроводников... Что может быть дальше от моря? Но заботливая судьба немного пододвинула меня к нему. Я в Геленджике, да еще и работаю в организации, которая в то время заключала контракты на проведение геофизических исследований в различных частях света. Где работали сотрудники организации. Там я проработал десять лет. Два из них проучился в Ленинграде, закончив математико-механический факультет университета, получая в виде стипендии полную зарплату от организации. Была тогда такая возможность, и меня туда потянула тяга к очередной порцией знаний и перемене мест. Принимал участие в двух

экспедициях в качестве начальника радиогеодезической станции. В Прибалтике (об этом писал выше), и в европейском Заполярье. Напротив Малой Земли. Впечатлений...

Но на контрактные работы попасть мне не светило. Работал сильно не по специальности. А приобрести новую, хотя бы радиоинженера, не хотелось. Не знаю, почему. Меня подталкивали к написанию всяких статей, в соавторстве с начальниками. Начальники защитят диссертации, а потом «вытащат» тебя. Заниматься наукой в провинции в то время было, мягко говоря, сложно. В библиотеке ты просматриваешь реферативный журнал; находишь по очень короткой аннотации вроде бы интересную для тебя статью. Через библиотеку выписываешь журнал с этой статьей; получаешь его через несколько месяцев. В результате ты знакомишься с работой, которая проделана несколько лет назад. В большинстве случаев, это не то, что тебе нужно. Не все конечно, но многие, написанные в то время в провинции диссертации, были, что называется, «второй сорт». А наука, как и осетрина, второго сорта не бывает.

В 1979-м году в журнале «Автометрия» была опубликована моя микроскопическая заметка. Что-то там описанное в терминах марковских процессов. А когда я получил авторский экземпляр журнала, то обнаружил там обзор состояния работ на то время по управляемым термоядерным реакциям, написанный моим однокурсником Сашей Рубенчиком. Громадный обзор; чуть не на полжурнала. После этого я твердо решил, что больше никогда не буду пытаться заниматься наукой.

Я оказался в тупике. Работать в той организацией я не мог просто чисто физически. Был я тогда уже не очень молодой человек. Фактически без профессии и без жилья. Но зато с семьей и ребенком. В маленьком курортном городе. И тогда судьба дала мне еще один шанс. В Геленджике находится Южное отделение Института океанологии. Головной институт в Москве. Академический институт. Отделение находится на окраине города, и тогда о нем в Геленджике, пожалуй, мало кто и знал. Устроиться туда на работу, как и во всякое академическое заведение, тогда было практически невозможно. А тут один ловкий человек сумел пробить в Южном отделении целую лабораторию! Со штатом человек двенадцать! Меня с лёгкостью туда приняли одним из первых. Три года мы откровенно валяли дурака. Ездили на всевозможные семинары и конференции. Цель, которую поставил перед нами завлаб – «Вы же люди умные и образованные; придумайте, чем бы мы могли заниматься». Лаборатория располагалась прямо на берегу Голубой бухты метрах в десяти от берега. Летом в свободное от командировок время мы купались и загорали прямо под окнами лаборатории.

Еще работая на предыдущем месте работы, я объездил по командировкам заметную часть нашей необъятной Родины. Мой тогдашний шеф, заведующий отделом радиогеодезии и картографии, посылал меня в многочисленные командировки «добывать» микросхемы. Образование-то у меня – физика полупроводников. Для этого он меня и взял на работу. И на втором месте работы сплошные командировки. Так как-то удовлетворялось моя тяга к путешествиям в это время.

Где-то года через три была плановая проверка работы лаборатории. Результатом работы лаборатории был ноль. Абсолютно круглый ноль. Лабораторию по-тихому закрыли, а нас рассовали по разным лабораториям. В конце концов, я оказался в лаборатории геофизических исследований. И оттуда начал ходить в загранрейсы. Писал программы по экспресс-обработке геофизических данных различными методами – магниторазведка, гравиразведка, сейсморазведка. Первая моя заграница – Исландия; экзотический Рейкьявик. Но это, как говорится, совсем другая история...

Рейсов у меня было немного, но все интересные; каждый по-своему. Чего стоит кругосветное путешествие на флагмане научно-исследовательского флота «Академик Мстислав Келдыш». Тогда нас еще завернули на поиски затонувшей советской атомной подводной лодки в Саргассовом море. По моим подсчетам я провел в океане два года чистого времени. В определенном смысле два года тюрьмы. Общее – замкнутое

пространство и вынужденное общение. Но с какими интересными людьми посчастливилось пообщаться.

Кончилось советское время. Пришлось как-то выживать. Какое-то время даже контрабандой занимался. В конце концов, все как-то утряслось. Живу, как и прежде, в Геленджике. В доме вдвоем с женой. Рядом живет старшая дочь с внуками. Младшая в Дубаи. Со всей страстью предаюсь с женой путешествиям по свету. В этом плане мне с ней повезло – она, как и я, любит мотаться по свету. Недавно, лежа в клинике, подсчитал, что я побывал в 53-х странах. От Турции и Египта до Боливии, Танзании, Новой Зеландии и островов Фиджи. В Австралии не были, хотя собираемся туда уже ряд лет. Тем более, что жена – дайвер; погружалась в трех океанах. Все руки (или ноги?) не доходят. Кому интересно, можете посмотреть альбом «фотообзор путешествий». Это подборка фотографий из мест, где мы бывали с женой. По одной из каждого места. Не из всех конечно.

https://www.facebook.com/media/set/?set=a.2652432144766.2123780.1074640604&type=3&__l=f42ebc9ec2

На экране высветится много мелких фотографий. «Кликните» по верхней левой фотографии и фотография увеличится на большую часть экрана. В правом верхнем углу экрана будет краткий комментарий к фотографии. Справа фотографии стрелка, щелкнув по которой, перейдете на следующую фотографию. На сегодняшний день там больше ста фотографий.

Так что, наконец-то я живу в основном так, как мне хочется. Всю жизнь считал, что все люди, как и я, мечтают путешествовать по свету, только не все могут это себе это позволить. Только сравнительно недавно с удивлением узнал, что есть масса людей со значительно большим достатком, чем мы с женой, которые совершенно равнодушны к путешествиям. Пожалуй, наиболее кратко и доходчиво на эту тему высказался Илья Каганский – «Я был по три дня в Лондоне и Нью Йорке. Я считаю, что я объездил весь мир». Так была разрушена вторая моя большая иллюзия.

А капитаном я все-таки побывал. Правда, всего несколько минут. Пусть на реке, но зато аж на Амазонке. Точнее, в ее верховьях. А какая экзотическая посудина; одно название чего стоит – «Spirit of the AMAZON»!

За последние два года проделал кое-какие ремонтные работы. Позади четыре операции, одна из которых серьезная онкологическая. Через пару месяцев на очереди еще одна. Когда-то прочитал, что, кажется, японцы первыми в автомобилестроении начали

применять принцип равной надежности. Спустя какой-то проектный срок все детали японского автомобиля почти одновременно начинают «сыпаться». Очень прагматичный принцип. Ну, думаю я, неужели природа (или господь бог) глупее японцев? Но потом вспомнил, что в родном отечестве-то отнюдь не придерживались этого принципа. И даже гордились этим. До сих пор на наших дорогах можно встретить старые «Волги», а то и «Победы». Кузова у них сделаны чуть не из трехмиллиметровой стали, хотя внутри у них мало что осталось от «родного». А я-

то где «сделан»? – В родном отечестве! Так что я успокоился и рассматриваю сегодняшний период в жизни, как капитальный ремонт. Тем более, что чувствую я себя сегодня просто отлично.

На этой оптимистической ноте я заканчиваю свой рассказ о том, как я не стал физиком.

Январь 2014-го года

Приложение

Как-то в разговоре с Людой Злобинской (редактором настоящего сборника воспоминаний) я упомянул о некоторых моментах из истории своей семьи. Люда предложила включить этот рассказ в свои воспоминания. Сказала, что многие пишут о своих семьях. Сначала мне показалось это не очень разумным. Мы пишем эти заметки друг для друга. Во-первых, вспоминаем общее прошлое. Во-вторых, пишем о том, как сложилась наша дальнейшая жизнь после окончания университета. Но на самом деле, не только друг для друга. Мы надеемся, что эти заметки прочитают наши дети и внуки. И будет совсем неплохо, если они узнают что-то интересное о своих более далеких предках. И не только о своих родственниках. Как известно, из ручейков складывается река...

Я решил небольшой рассказ об истории своей семьи выделить в отдельное приложение.

По линии мамы.

Есть на Украине в 80-ти километрах южнее Киева небольшой город Белая Церковь. И вот где-то в начале прошлого века несколько крестьянских семей, живших около этого городка, решили переехать на «свободные» земли. Видимо потому, что этих самых «свободных» земель на родине уже не было. И народ в этой компании был предприимчивый, потому как решили они переселиться на Дальний Восток. В эту компанию входил мой дед Корбут Яков с женой Евдокией.

Погрузились на пароход со всем скарбом, который только могли взять с собой. Включая телеги. (Видимо это было в Одессе.) И поплыли на этот самый Дальний Восток аж вокруг Африки. А там обосновались на берегу озера Ханка. Это километрах в ста пятидесяти севернее Владивостока. Поселились на берегу озера, где впадает речка Ключи. Но первой же весной это место затопило, и переселенцам пришлось перебраться повыше. И назвали они это поселение – село Новоселище. Там родилась моя мама в 1920-м году.

Рождались дети; хозяйство крепло. Дед потихоньку стал крепким хозяином. Хороший дом. Еще что-то. Возможно мельница. Все бы хорошо, но хоть и с некоторой задержкой, а на Дальний Восток пришла Советская власть. Как ни странно (для меня), в этой ситуации дед стал убежденным коммунистом и был назначен председателем колхоза. Продразверстка... План этот физически невозможно было выполнить, и за дедом пришли». Его жена на коленях умолила отсрочить арест на день. В несколько часов собрали, что могли и сбежали всей семьей, включавшей шестерых детей.

И поехали по Транссибирской магистрали на запад. Только сейчас мне пришел в голову вопрос – А почему не за границу? Возможно, тогда уже не было реальной возможности это сделать. Но, может быть, у деда были какие-то и другие соображения. Вероятнее всего я этого уже никогда не узнаю. Основная цель - уехать как можно дальше от Дальнего Востока. В районе озера Байкал потерялся кто-то из детей, но потом как-то нашелся. Остановились в Новосибирске. Вроде бы там уже жили какие-то родственники. Было это примерно в 1936-м году. А в 1937-м году родился младший сын Александр.

Дед спрятал свой партбилет и никогда не упоминал о своем партийном прошлом.

Семейные предания говорят о том, что бабушка иногда получала денежные переводы от своего брата, жившего в Австралии. В долларах!

В течение жизни пережить две таких перемены мест жительства и при этом не сломаться и выжить...

Большая часть детей получила хорошее образование. Наибольших успехов (если судить по карьерной лестнице) добился младший сын Александр (младший брат мамы). Закончив школу с золотой медалью, получил единственную на Сибирь и Дальний Восток путевку для поступления в МИМО. Но поступать туда не стал – семья решила, что на поприще дипломата он вряд ли сможет сделать достойную карьеру. (Но может быть боялись, что может всплыть прошлое его отца?) Дядя закончил в Свердловске Уральский политехнический институт по специальности химик-металлург (переработка ядерного сырья). Состоял в руководстве завода по разделению изотопов в Томске 7. Это Сибирский химический комбинат – один из крупнейших в мире ядерных центров, крупнейшее в России и в мире предприятие ядерно-топливного цикла. И это только часть карьеры моего дяди.

Другие братья-сестры – главный инженер проектного института, проектировавший мосты от Сибири до Урала; очень хороший врач-гинеколог и т.д. Наименьшее образование было у моей мамы – семь классов школы. Заниматься образованием ей было некогда – в шестнадцать лет она вышла замуж за красавца папу, который умел играть на всех музыкальных инструментах, до которых только мог дотянуться. Самоучка. Дотянуться до рояля у него просто не было возможности.

Тем не менее, после смерти родителей именно мама в определенном смысле слова стала центром большой и дружной семьи.

Еще два момента из истории семьи мамы.

1. В компанию переселенцев, перебравшихся на Дальний Восток кроме моего деда, входили еще какие-то его родственники. Один из них (возможно, его двоюродный брат) был экстрасенсом. Про него ходили легенды, что в детстве он развлекал своих приятелей ребятишек тем, что угадывал, кто чем занимается, не видя их. Об этом мне рассказывала мама. Когда на Дальний Восток пришел Колчак, он работал в каком-то штабе «белых». Может и в штабе Колчака. Не знаю, обладал ли он даром предвидения, но его экстрасенсорные способности видимо не очень помогли ему. За что-то он был белыми расстрелян. Не знаю его имени, но у меня есть скан его фотографии, сделанной во время, когда он работал в штабе.

2. Старшего брата моей мамы Степана забрало НКВД в 1937-м году. Ему было тогда 18 лет. А он работал уже шофером. Тогда это было очень круто. И сосед настучал на него, чтобы занять его место. Все знали это, но никогда с ним не то чтобы не говорили на эту тему – даже просто не здоровались. А нам детишкам в возрасте 4-5 лет (может чуть старше) рассказывали и показывали его.

Долгие годы семья ничего не знала о нем. И только в 60-е годы в эпоху Хрущева моя бабушка, долго писавшая во все инстанции, получила ответ, что ее сын Степан погиб в шахте на Сахалине в 1942-м году.

По линии отца.

Есть такое местечко – Пинские болота. Частично это на территории Украины, а частично в Белоруссии. Вот из этих замечательных мест и происходит семья моего деда, Писецкого Степана.

А началась история примерно так же, как и с семьей моей мамы, и примерно в то же время. Т.е. где-то в начале прошлого века. Собрались несколько семей и поехали на «свободные» земли. И поехали на восток. Но не на Дальний Восток, а просто на восток. И не на пароходе, а по железной дороге. И добрались они до Новосибирска. А точнее говоря, до Нижней Ельцовки. Той самой Нижней Ельцовки, которая сегодня является частью Академгородка, и которая застроена многоэтажными домами.

Но в отличие от озера Ханка, где окопалась семья по маминой линии, «свободные» земли в Нижней Ельцовке оказались не такими уж и свободными. Это была деревня, окруженная относительно бескрайним лесом. А в деревне жили люди, называвшие себя чалдонами. Не буду распространяться, кто такие чалдоны, тем более, что живущие сейчас в Нижней Ельцовке возможно это лучше знают.

Приехавшие спрашивают – А есть ли свободные земли? – Да сколько угодно; вырубай лес, стройся и живи себе. Приезжий вырубает участок леса. И тут же приходит местный – Э, паря, а участок-то мой. Не будешь же с местным со старту ссориться. – А этот участок твой? – Нет; этот не мой. Вырубается следующий участок; приходит другой местный и история повторяется. Кончилось тем, что вопрос решили «на кулачках». После чего наступило какое-то равновесие. Первое время занимались тем, что вырубали лес и возами возили в Новосибирск. Этот товар видимо тогда был хорошо востребован. Город отапливался дровами. Кузбасский уголь пришел туда позднее.

Отец родился в 1917-м году, и местом его рождения в документах прописана Нижняя Ельцовка.

Отец, как и мама, рос в большой семье. Их было семеро братьев и сестер. Но о них я знаю мало. Один из братьев так и остался жить в Нижней Ельцовке. Остальные жили в Новосибирске, Томске. Дед переселился в Новосибирск. У него был деревянный дом почти точно напротив проходной Инструментального завода по улице Большевицской. Если ехать из Новосибирска в Академгородок, то выезжать из города будешь как раз по этой улице. Этот дом был замечателен тем, что сруб дома состоял всего из трех бревен! Диаметр под метр; естественно стесанных по бокам. Вроде бы это была лиственница.

Как-то получилось так, что вся наша семья, включая отца, почти не общались с родственниками отца. Может потому, что отец заметно отличался от своих родственников. Он был достаточно мягким человеком, не умевшим постоять за себя. Был, что называется, «под каблуком» моей мамы. В то время, как большинство его родственников были людьми горластыми и не очень уживчивыми. Во всяком случае, такие воспоминания у меня остались из моего глубокого детства.

Еще два момента из истории семьи отца.

1. В компании переселенцев, перебравшихся в Нижнюю Ельцовку, кроме моего деда, также входили еще какие-то его родственники. Когда наступило время коллективизации и раскулачивания, то это задело и эту семью. В семью одного из родственников моего деда пришли два человека с винтовками и сказали, что его раскулачивают и отправляют в ссылку. И вроде он не был таким уж кулаком; просто нужно было выполнять план.

«Изюминка» этой истории состояла в том, что этим вооруженным людям то ли было лень препроводить мужика в тюрьму, то ли у них было много «работы». Так или иначе, но они сказали ему, чтобы тот сам на следующий день пришел в новосибирскую тюрьму. И мужика начали собирать в дальнюю дорогу! Но потом все же спохватились, и мужик куда-то скрылся. И достаточно далеко. Помнится, рассказывали про Среднюю

Азию. Мужика никто не спохватился. Через год он потихоньку вернулся и все обошлось. Но какого-то другого родственника все же раскулачили и со всей семьей сослали на север Томской области.

2. А эта история связана с моим отцом. Срочную службу он проходил на Дальнем Востоке. Три года. В каком-то очень большом военном городке.

До конца службы оставалось несколько месяцев, когда ему было приказано зайти в какой-то неприметный дом на территории городка. Городок был большой и всяких строений много. И кто там знал, что там за домики.

В назначенное время отец появился там. Внутри оказалась совсем не казенная обстановка. Что-то вроде кресел, торшера или что там неказенного по тем временам. Встретил отца вежливый человек; предложил хорошую папиросу; начал расспрашивать о службе. Это был особист. Сотрудник подразделения военной контрразведки НКВД. В конце недолгого разговора особист сказал, что отцу оказано особое доверия. Он должен внимательно слушать разговоры своих сослуживцев и докладывать о содержании «неправильных» разговоров. Вызывать для отчета его будет вызывать сам особист.

Понятно, что от такого предложения было трудно отказаться. В следующий раз отца вызвали аж где-то недели через три. Отец честно сказал, что никаких «неправильных» разговоров он не слышал. Особист сказал, что это ничего. Но в дальнейшем он должен более внимательно слушать. Потом было еще несколько встреч, и градус разговоров повышался. Крики, угрозы... Отцу действительно нечего было рассказывать. Да и о чем могли разговаривать между собой солдаты, готовящиеся к дембелю. Да еще и в большинстве своем деревенские парни. В общем, жизнь отца превратилась в ад. Он действительно боялся обещанных репрессий в свой адрес. Это был уже 1940-1941 год. Т.е. после 1937-го года. Все знали, чего можно было бояться. Придумать что-то, чтобы отвести от себя угрозу... Уверен, что отец этого не сделал. Хотя бы потому, что в этом случае он вряд ли рассказал бы мне эту историю. Но все обошлось; отец демобилизовался. Вернулся в Новосибирск к своей жене и дочери. Стал работать на Инструментальном заводе токарем.

Прошло полгода. Однажды отец возвращался с работы. Поворачивает на свою улицу и видит, что против дома, где он жил, стоят двое людей. Он сразу понял, что это к нему, а также что это за люди. Они встретили его словами – Вы думаете от нас просто так можно скрыться?

На следующий день началась война...

Этим заканчиваю описание нескольких фрагментов из жизни семей моих родителей. Людей от природы одаренных и жизненно активных.

Давно нет в живых моих дедов и бабушек. Из их детей в живых осталась только младшая сестра моей мамы. Мои двоюродные братья и сестры частично остались жить в Новосибирске; частично разъехались по стране и миру. Общаемся гораздо реже наших родителей. Что уже говорить о наших детях. Они уже и не знают толком друг друга. А ведь сегодня так просто общаться друг с другом. А общаться надо.

Все мы взяли от своих предков разные комбинации генов; по-разному одарены и достигли разных успехов в жизни. Знание своих предков, своих сегодняшних родственников, позволит лучше понять себя, и может помочь содержательней прожить жизнь.